

Валентин Распутин — не только один из крупнейших писателей современности, но и высокий нравственный авторитет, к мнению которого по различным проблемам нашего бытия многие прислушиваются с особым вниманием. Так получилось, что Валентин Григорьевич давно не выступал в «Правде». А события за это время — и в стране, и в мире — произошли, как принято сейчас говорить, поистине судьбоносные. Вот почему, мы полагаем, всем нашим читателям будет интересно узнать, что думает об этих событиях, о нашей сегодняшней и завтрашней жизни выдающийся мастер русского слова и влиятельный общественный деятель, беседу с которым публикуем сегодня.

— Валентин Григорьевич, начну даже не с выборов. Начну с того, что до сих пор жгуче болит во мне, как, думаю, и в вас, во многих других наших соотечественниках. Имею в виду расстрел российского парламента. И самое поразительное: 4 октября при этом кровавом действе было, как известно, много зевак, а были даже и такие, которые после каждого выстрела аплодировали. Что это? Как, по-вашему, объяснить такую бездну нравственно-го падения? Ведь это все равно как если бы фашисты застреливали в газовой камере евреев, а «посторонние» антисемиты аплодировали или рукоплескали аплодировали бы при отравке в газую камеру русских, «посторонние» антикоммунисты — коммунистов? Между тем даже такой, казалось бы, гуманист, как Булат Окуджава, в интервью «Подмосковным известиям» заявил об этом жутком, кошмарном зрелище, демонстрировавшемся по телевидению, буквально следующее: «Для меня это был финал детектива. Я наслаждался этим. Я теплею не мог этих людей, и даже в таком положении никакой жалости у меня к ним совершенно не было. И, может быть, когда первый выстрел прозвучал, я увидел, что это — заключительный акт. Поэтому на меня слишком удручающее впечатление это не произвело».

— Да-а... Что ж, в наше время уже трудно удивляться чему-нибудь, и все-таки подобное признание Булата Окуджавы, сделанное к тому же с явным удовольствием, поразительно. Есть люди, правда, с особой психикой, которым мучения жертвы доставляют физиологическое наслаждение, здесь что-то в этом же роде. Наши интеллигентно-гуманисты из «демократических» рядов вообще приобрели странное выражение души и сердца (лица тоже) — с печатью отнюдь не целебных чувств. Действительность всех нас не делает спокойными, но там уж совсем какое-то оголтелое неистовство! А ведь «победители» — чего бы, казалось, из кожи выскакивать, беса в себя гнать: твоя взяла, будь теперь великодушен к тем, кто еще не дорос до высоты твоего ума и широты твоего сердца. Но оттого-то, видимо, и беспокойство, оттого-то и нервность, и эти постоянные подпрыгивания, будто пятки поджаривают, что неправедное дело, которое привело их сторону к успеху, долго не устоит и они не могут этого не чувствовать.

Что касается радостной реакции зевак на расстрел «Белого дома», выражения восторга, если снаряд попадал в цель и кто-то в эти мгновения раставался с жизнью, кто-то начал мучиться в раках, — нет, это уже не зеваки, а действующие лица. Приходится признать, что из нашей молодежи не просто создается нечто с немалыми результатами, а уже создан тип человека, совершенно новый, какого раньше и быть не могло. Тип человека безжалостного, циничного, поклоняющегося госпоже удаче, ради которой пойдет на все. Если уж Булату Окуджаве кровь сточит безоружных и безвинных людей, видела спектаклем, великолепно поставленным действием, то для них тем более. На огромном уличном экране они были зрителями того, во что потонуло окунаются на экране телевизионном и что припугнуло и атрофировало боль, сострадание и чувство справедливости. Сюжет «постановки» был крутым, события развивались без нравственных колебаний, в действии присутствовали нежиданные повороты, положенное число жертв должно было быть обманом стать жертвами, знакомая московская обстановка еще больше текла да нервы — им это нравилось. Так их воспитали в последние семь-восемь лет телевидения, газет, общественное мнение. Эти еще оказались в положении зрителей, причем вроде поговеле, а такие же, как они, героически действовали — посылали снаряды, были из снайперских винтовок, орудовали дубинками. Физическое убийство сотен (а может быть, тысяч) наших братьев и сестер, пришедших защищать законность и справедливость, стало возможным в октябрьские дни лишь потому, что еще раньше произошло моральное растление и убийство миллионов.

Юрий Власов считает, что мы потеряли не одно, а, вероятно, два-три поколения молодежи. Потеряли притом в окончательном смысле, делая их врагами исторической и национальной России. Как бы хотелось, чтобы они отплатили! Я не могу с ним полностью согласиться, уповаю без особой, впрочем, опоры, на саморегуляцию хваставшего лиха народа, на чудесное спасение, которое, может быть, послано из прошлого, на нашу собственную работу, но то, что перерождалось быстрее, чем предполагалось, и что воспитательная мина заложена надолго, сомнений не вызывает. Порядки, введенные ныне в России... знаете, сказать, что благоприятствуют нравственной и духовной мутации человека, значит, ничего не сказать. Это просто фразы, навбывшие оскомину, несмотря на свой верный смысл. Кричать — тоже не докричишься. Но когда десятилетиями девочки толпами высились на панель, а двенадцатилетние принимали внаезд, — все это считается в правилах свободного демократического государства — да пропади оно

пропадом, это государство, и мы вместе с ним, если мы позволим себе мириться с такими порядками! Достоевский говорил только об одной слезе ребенка, которой недостойно благополучие всего мира, а тут море слез и восторг по поводу их «свободного» истечения.

— Хотелось бы услышать ваше мнение, мнение большого русского писателя, о положении, в котором оказалась Россия после октября нынешнего года.

— Победы президента и правительства тут не было — было, напротив, жестокое поражение. Какая может быть победа в войне с собственным народом, в показательном убийстве защитников Конституции и законности! Полководческое искусство в этой войне Ерина и Грачева, так же, как искусство Суворова и Кутузова, добивавших прежде славу русского оружия, останется в веках, но только совсем в другом ряду.

Президент на то и президент, правительство на то и правительство, чтобы в межведомственных конфликтных ситуациях находить выход мирными средствами. Если бы даже противная сторона была не права. Но причина конфликта не в этом, а, как хорошо вышло невооруженным глазом, в стремлении президента к единоличной власти. Запад в лице руководителей «сильных» государств, поддерживавших Ельцина, поддержал в сущности не столько его действия, сколько все прежние ренюме и желание навсегда исключить Россию из числа стран, имеющих авторитетную самостоятельную политику. Общественное мнение Запада увидело в октябрьских событиях присущее России диктарство, возглавляемое в настоящее время, естественно, главой государства. Сейчас, я думаю, в лагере «победителей» довольно интересная ситуация. Связанная одной кровью, президентская команда, как никогда, казалось бы, должна быть плечом к плечу. Но это только на слишком доверчивый взгляд. Хотя в нашей стране позволено все, но народное мнение все еще существует, и с кровью оно не согласится, сколько бы телевидение ни убеждало, что это кровь нечестивых. Едва ли стоит сомневаться, что часть экранные, частью закулисные лица ведут теперь хитроумные расчеты, как и когда сделать из президента козла отпущения. Другого выхода, если они собираются играть прежнюю роль, у них нет. Или диктатура, при которой и им по закону всякой диктатуры не сносить голов, или это. Но для этого нужна подкормка кандидатура, чтобы при ней волки по-прежнему оставались волками, а овцы овцами, то есть богатыми при своих интересах, а бедные при своих.

Выборы, по замыслу, скорей всего и должны были представлять наследника престола. Он, бесспорно, пришел, но... с конфузном для своей партии. В выборы вмешались октябрьские события. О, они еще долго будут вмешиваться в нашу политическую жизнь! Жириновский ни от кого не увел голоса (разве что самое незначительное число у правительственных партий), но своим зажигательными речами он привлек на избирательные участки тех, кто не собрался туда идти, справедливо видя в себе материал для политических игр. Правительственный радикализм (если этим термином можно заменить жестокость так называемых реформ и жестокость нравов) заставил голосовавших за Жириновского выбрать самую радикальную из представленных предвыборных программ. Этим прежде всего нужно объяснить успех Жириновского, а не искать слуху в народах России фашистское сознание, что оскорбительно во-первых, для народов, а во-вторых, уж очень явно выдает в любителях подобных умозаключений породу бешеных, обещавших с котормы опасно даже через телевизор.

Нет, с Россией прочтаться рано. Помню, несколько месяцев назад, еще до ельцинского октября, Владимир Максимов, замечательный русский писатель и здравомыслящий человек, вынужденный двадцать лет жить в Париже, воскликнул в последнем отрывке от происходящего у нас, что ему ничего не остается, как попрощаться с Россией, ибо новые правители ее погубили окончательно. Но ведь и Максимован Волошин в 1918 году с не меньшим отчаянием произнес знаменитое «с Россией кончено...». А она выжила. Не может быть, чтобы не выжила и теперь. Насколько боится ее, начинающую пока полубессознательно стряхивать с себя опеченение и дурман, я увидел (все мы увидели) на недавнем празднике встречи «нового политического года» в Кремле, когда стали поступать результаты голосования из восточных районов и торжество, с самого начала напоминавшее шабаш голерецких персонажей на Лысой горе, превратилось в позор с паническими и злыми выкриками.

— Следующий мой вопрос такой: вы в свое время когда-то, еще будучи народным депутатом СССР, помните, предлагали, чтобы Россия вышла из состава Союза. А как теперь отнесетесь к распаду великой державы, к белорусскому акту и его последствиям?

— Мои слова тогда были не совсем верно поняты. Вернее,

остались в памяти одним только этим заявлением, а ведь за ним следовало предостережение: не дай Бог доводить дело до полного разрыва. Мне того, как буквально две недели подряд раздавались угрозы из Закавказья, Прибалтики, Молдавии, особенно с поношениями в адрес русского народа, который, можно было понять, всех объединяет за общим союзным столом и жирует не по трудам. Тогда я и поднялся: зачем же гнать-то? И Россия может выйти из Союза. Выждет и не пропадет. Не забывайте, что 70 миллионов российских средств ежегодно перекачивалось в бюджеты союзных республик, что грабли в первую очередь русского человека.

Валентин РАСПУТИН: *Апрель-1993-29дек-с. 4.*

«НЕТ, НЕ КОНЧЕНО С РОССИЕЙ...»

— 70 миллиардов рублей отдавала Россия другим республикам, да?

— Да. Из своего бюджета Россия передавала в бюджеты союзных республик, а в то время это были огромные деньги. Можно было и дороги построить, и жилье, и хлебное поле обиходить. Да и теперь Россия передает в страны СНГ 17 миллиардов долларов. Тогда — во имя братской дружбы, теперь — во имя добрососедских отношений. А двойная корова все та же — Россия. В чем, спрашивается, выгода?

Нет, не развильвать надо было Союз по планам американских специалистов-советологов, с голой кожей действовали отечественные расчетливые, заходящие в требовательной истерике, а держащие вместе. Отпустили на волю волюную, разумеется, тех, кто свою совместную жизнь с Россией считал невозможной. Но и здесь прислушиваясь к мнению народному, а не к мнению национал-расправителей. Держать их вместе до тех пор, пока произойдет общественное отрезвление, поскольку в горячке да во взаимных обвинениях разумного решения быть не может. А там — как будет соизволение Божье и народное. Но именно отрезвление-то и боялись. Вообще вся перестройка, перековка, перековка творилась в неимоверной спешке, горячке, в возбуждении и опьянении, в мстительной запыльности и угаре, как будто дело касалось не великого государства, имеющего тысячелетнюю историю, а умыкнутого с чужого воя достояния. В том, как происходил раздел, было что-то разбивное, воросское, неприличное — скорей, скорей, чтобы не спохватились, и не вернулись к месту преступления. Когда-нибудь историки постарятся разгадать этот удивительный феномен: как мелкие жулики с легкостью провели мировое масштабное селку, превратив нас всех в жертвы своих политических манипуляций.

Что выиграла от раздела Россия? Потеряла свои исторические земли, оставила «за границей» как заложников десятки миллионов русских, обратила дружеские чувства в ненависть к себе, развалила великое множество судеб и вдобавок еще выплывающая контрибуция, как потерпевшая поражение в войне.

— А вот как вы считаете, что нашему обществу надо делать теперь? Известно, Солженицын предложил свой проект «Как нам обустроить Россию». Понимаю, обустройство государства — дело в первую очередь не писателя, а политика, но все-таки каковы ваши мысли на этот счет?

— Прежде всего не допустить дальнейшего развала России. Как это сделать с теперешним правительством, способным на любой ферт, я, право, не знаю. Пока не будет правительства, защищающего национальные интересы России, надежды невелики.

Пока не придет к власти государственники, подобные Столыпину и Витте, и приоритеты собственного народа не возобладает над приоритетами чужих корыстных замыслов, ничто хорошее ждать нельзя. Это начало начал — начало национального доверия. Россия, свалившись в заготовленную для нее яму, ушиблась жестоко, переломила кости, но — не убила, подпит ее можно. Антинародная политика властей привела к тому, что не только стали растаскивать государственные богатства, но и привались уходить из государства и люди, притом в массовом порядке. Я имею в виду не эмиграцию в Америку или Израиль, а устрание от своих обязанностей по отношению к государству, то есть эмиграцию внутреннюю. В избирательных списках эти люди присутствуют, но их агонизирующее государственного организма они вышли и живут только своими интересами, заняты собственным спасением. Это граждане автономного существования, обитые в небольшие группы, сами себя защищающие, сами себя поддерживающие материально и духовно. Это как старообрядцы в прежние времена, не желающие мириться с чужбеисием нового

самим собой, и тогда с первого шагу все изменится. Стать русским — значит перестать презирать народ свой... Мы и на вид тогда станем совсем другие. Став самими собой, мы получим наконец облик человеческого, а не обезьяний.

Фактор национальной униженности уже сыграл свою роль на выборах. Пока в пользу Жириновского, который сумел использовать этот козырь. Национальная униженность — это ведь не только предательство национальных интересов в политике и экономике и не только поношение русского имени с экранов телевизора и со страниц журналов и газет, но и вся обстановка, в том числе бытовая, в которой властвует с одной стороны, презрение, с другой, уже с нашей, забвение. Это и издевательство над народными обычаями, и оскорбление святынь, и чужие фасоны и одежды, и вывески, объявляющие на чужом языке, и вытеснение отечественного искусства западным пириотребом самого низкого пошиба, и оголтелая (вот уж к месту слово!) порнография, и чужие нравы, чужие манеры, чужие подметки — все чужое, будто ничего у нас своего не было. И недавно чуть не расплакался, посмотрев в те

свете. Родина дала нам все, что мы имеем, каждую клочку нашего тела, каждую родинку и каждый изгиб мысли. Мне не однажды приходилось говорить о патриотизме, поэтому повторяться не стану. Напомню лишь, что патриотизм — это не только постоянное ощущение неизбывной и кровной связи со своей землей, но прежде всего долг перед ней, рвание за ее духовное, моральное и физическое благополучие, свершение, как свернуть часы, своего сердца с ее страданиями и радостями. Человек в Родине — словно в огромной семейной раме, где предки высузуют за жизнь и поступки потомков и где крупно начертаны заповеди рода. Без Родины он — духовный оборванец, любым ветром может его подхватить и понести в любую сторону. Вот почему безродство весь мир старается сделать подобным себе, чтобы им легче было управлять с помощью денег, оружия и лжи. Знаете, больше скажу: человек, имеющий в сердце своем Родину, не запугается, не опустится, не озверит, ибо она найдет способ, как наставить на путь истинный и помочь. Она и силу, и веру даст. Кто же в таком случае ненавидит патриотизма? Или те, кто не признает никакого другого рода, кроме своего, или легионеры нового мирового порядка — порядки обезличивания человека и унификации всего и вся, а для этих целей патриотизм, конечно же, помеха.

Мы, к сожалению, неверно понимаем воспитание патриотизма, принимаем его иной раз за идеологическую приставку. От речей на политическом митинге, даже самых правильных, это чувство не может быть прочным, а вот от народной песни, от Пушкина и Тютчева, Достоевского и Шмелева и в заснувшей душе способны появиться благодарные ростки. Меня обрдовало предложение русского певца из Австралии Александра Шахматова сделать 1994 год годом русской культуры и духовности, проведя массовые праздники духовности во всех крупных и не только крупных городах. Когда разойдется и разрастается свое, святое, ему легче будет противостоять грязи и сраму, которые обрушились на народ. Бесы делают свое дело, а мы будем делать свое — на том уровне, где живет народная душа.

— Валентин Григорьевич, очень большая тема — «Искусство и политика». «Искусство и власть». В свое время, как известно, вы были депутатом союзного уровня, и Горбачев даже пытался вас приблизить к себе, брал в зарубежные поездки. Между тем у известного критика Владимира Лакшина есть такие слова: «Искусство в точном смысле слова гибнет и вянет, когда политика приближает его к груди». Что вы думаете по этому поводу?

— С Лакшиным надо соглашаться, конечно. Тут есть правда. Вообще, искусство полезно испытывать некое сопротивление, и не только художественное, как я говорю не о цензуре, которая, как утюг, выглаживает становое, разрывающее мускулы, действует, как это ни парадоксально, вдохновляюще. Не дайте сказать, а вот скажу, несмотря на все ваши предписания, и скажу так, что читатель увидит больше, чем есть в словах.

Депутатскую службу я действительно прошел. Без предвыборной кампании, попал в кюту, которая отпущалась тогда для творческих союзов, и, скрепя перо и сердце, подчинился результатам голосования на писательском съезде. Затем Горбачев предложил войти в его президентский совет. Обстановка была роковая — кто кого, и я в конце концов согласился, рассчитывая, что, быть может, и от моего голоса что-то будет зависеть. Нет, это «акождение во власть» оказалось почти безрезультатным, политика делалась не сносимыми, а тайными советниками, я убедился в этом очень скоро. Впрочем, и сам президентский совет не задержался, и я воспринял это с облегчением.

И все же я не жалую, что заглянул туда, куда удастся заглянуть не всем. Пригодится, и уже не однажды пригодилось, когда удавалось угадывать события, которые, казалось, никто не предвидел. Не могу похвалиться особым чутьем, но кой-какой нюх появился. Быть может, именно потому, что политика действительно дело грязное, а у меня к такого рода цвету чувствительность повышена. И посмотрите на нынешних придворных писателей. Можно даже не заглядывать в август 91-го года, когда наперерогон, закладывая свои недавних товарищей, они бежали раскланиваться перед новым хозяином. Достаточно сентября-октября. Виктор Розов дал самый точный отзыв: такого холодея не бывало и во времена Сталина. Прозного. Никогда не бывало. Это уже коллективное «пронзение» демократического реализма невиданного размаха. Сначала съезжаются на дачу президеца, чтобы высокоинтеллектуальным мнением уговорить его не переманиться со своими политическими противниками. Затем смотрят на дело рук своих по телевизору, наслаждаясь кровавой расправой, как детективом. Но и этой крови мало. Карать так карать! После бойни сочиняется коллективное письмо с требованием ни в коем случае не миловать оппозиционную печать и общественные партии. «Эти тупые негодяи уважают только силу!» — заявлено ими, и такой глубины и высье слово не удавалось сказать ни Шекспиру, ни Толстому. Это уже высшее подвешеная.

И не два, не три автора подписываются под «поэмой», опубликованной в газете «Известия» 5 октября под названием «Писатели требуют от правительства

решиительных действий», а 42, 42-м оказался Виктор Астафьев. — Я хотел, кстати, спросить об Астафеве. Особо. У вас ведь с ним особые отношения, вы были очень близки. Так вот теперь, после выборов, он в «Комсомольской правде» отозвался о своем народе как... о нелюдях. Понятно, когда Новодворская называет народ черной. А тут ведь крупный русский писатель... По-моему, даже глава правительства Черномырдин в «Труде» более достойно сказал о тех же итогах выборов: «Надо не народ обвинять, а признать собственные ошибки».

— Да, мы с Виктором Петровичем Астафьевым принадлежали к одному литературному лагерю («деревенщиков», знаем друг друга хорошо. И все же, Астафьев не настолько хорошо, чтобы я понимал сегодняшнего Астафьева — его личное дело, и мне ее обсуждать не хочется. Похоже, это результат того, что не осталось у него опоры ни где — ни в душе, ни в человеке, ни в народе, ни даже в художественном слове, где мат на мате и попускает матом. Такому состоянию не позавидуешь.

— Валентин Григорьевич, как вы смотрите на сегодняшнее состояние нашей культуры, в том числе литературы? Что выделяли для себя из последних произведений российских писателей? — Положение культуры всюду тяжело, а в некоторых местах по России трагическое. Оставленная без государственной поддержки, брошенная в рынок, как в дерьмо, вынужденная искать любые ходы, нередко неприличные, чтобы выжить, она уже не культура в прежнем своем высоком значении, а что-то жалкое, просящее подаяния, отрывистое. Надо ли говорить, что как раз сейчас-то, когда индустрия развращения человека работает с чудовишной силой, собственная культура как раз и могла бы быть хоть каким-то шлагбаумом, но уничтожают и ее. Хорошо еще, если где, как у нас в Иркутске, поведет с административной, которая худо-бедно, но помогает, а то ведь нередко без обиняков считают ее бесполезной. Посмотрите на нашу школу, она по всем статьям и приметам не собирается долго задерживаться, если совсем не заботится, какой сегодня воспитывается гражданин. Кому сейчас принадлежат театры, музеи, дворцы культуры, знаменитые оркестры, хоры, издательства, библиотеки, кто заказывает музыку, понять нельзя. Творческие союзы в агони. Десятки тысяч писателей, актеров, художников, музыкантов, оставшихся без спроса на свои таланты и не имея другой профессии, нанимаются в сторожа, дворники, высматривают спонсоров. Положение ужасающей неужности. Ирина Архипова, используя свой авторитет, создала фонд для помощи молодым исполнителям, но ведь они почти единственный источник, на котором небосводе даже тусклая звездачка начинает радовать. Провал, появляются они не благодаря, а вопреки «культурной» политике государства, но все-таки...

В заключение хотел бы задать вопрос традиционный: над чем вы сейчас работаете? — Продолжаю книгу о Сибирь. Первая ее часть вышла в издательстве «Молодая гвардия» два года назад. Сейчас все усложнилось не в десять, а в тысячу раз, любая поездка превратилась в проблему (в этой работе без поездок не обойтись), но как-нибудь... Не все разрушено, а в Сибирь — тем более.

Беседу вел Виктор КОЖЕМЯКО.

Валентин Распутин (в центре) со своими друзьями писателями Владимиром Крупиным и Василием Беловым на Байкале.

Фото Э. Брюханова. (Фотохроника ТАСС, 1988.)